

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ УЧЁТНОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ В РЕКОНСТРУКЦИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ФОРМУЛЯРНЫХ СПИСКОВ ЧИНОВНИКОВ)

Одним из самых заметных и активно развивающихся направлений современной исторической науки, бесспорно, является история повседневности, теоретическое осмысление которой, связанное прежде всего с определением предметных и проблемных границ (через попытки выявить структуру повседневности, дать определение, элиминировать не-повседневное и т. д.), продолжается и в настоящее время. Когда речь идет об изучении таких проблем, предмет которых четко не эксплицирован, дискуссионен, особую остроту приобретает задача формирования источниковой базы. Ответить на вопрос о том, в каких источниках отразилась история повседневности, а в каких нет, без проведения специальных источниковедческих исследований невозможно.

На наш взгляд, никаких особых, специфических источников для изучения повседневности не существует, мы можем говорить только о степени информативности в этом плане того или иного типа и вида источника. Более того, полезным представляется использование таких документальных комплексов, которые на первый взгляд мало касаются повседневной жизни, это, в частности, учётная документация.

Одна из разновидностей учётной документации — это формулярные (послужные) списки чиновников (далее ФС)¹. После указа Сената от 31 января 1764 г., по которому все государственные учреждения обязывались каждые полгода присылать списки чиновников по особой форме, таковые стали одной из основных форм документирования прохождения службы российскими чиновниками. Как известно, информация в послужные списки вносилась по строго заданному образцу, который до начала XIX в. постоянно совершенствовался, охватывая новые области жизнедеятельности каждого отдельно взятого представителя царской бюрократии. Во второй половине XIX - начале XX столетия формулярный список представлял собой анкету из 14 граф с почти исчерпывающей информацией о чиновнике, начиная с имени, возраста, происхождения, вероисповедания, чина, должности; включая сведения об образовании и имуществе, кадровых переменях, величине жалованья, знаках отличия и других сведениях о качестве службы, заканчивая фиксацией семейного положения.

Благодаря своему содержанию ФС остаются основным источником для изучения царской бюрократии как социопрофессионального слоя, так как в первую очередь позволяют проследить процессы комплектования российского бюрократического аппарата, выявить базовые социопрофессиональные характеристики чиновничьего сословия, включая образовательный уровень, социальное происхождение, имущественное положение и многое другое. Миграции чиновников и прохождение служебной карьеры, наследование профессионального статуса и генеалогия чиновничества — вот лишь самый основной перечень вопросов, уверенно ответить на которые можно только с помощью ФС.

Однако, использование учётной документации в изучении повседневности (например, нравов, ценностей и пр.) может вызвать серьезные сомнения ввиду её источниковедческих особенностей: ФС решали вполне конкретные служебные задачи, поэтому ошибочно предполагать, что они раскроют нам все тайны истории царской администрации. Так, девиантное поведение чиновников на базе ФС прослеживается довольно приблизительно, даже несмотря на то, что практика учета чиновничества включала обязательную фиксацию «был ли в штрафах, под следствием и судом, когда и за что именно предан суду, когда и чем дело кончено». Данные формуляров как типичного по форме массового источника позволяют выявить лишь некоторые виды отклоняющегося поведения, характерные для чиновничества (утрата следственных дел, растрата казенных и общественных денег). Если же о служебном поведении управленцев мы будем судить только по ФС, то о таких уже привычных феноменах, как волокита, пресловутое взяточничество придётся забыть, так как, к примеру, у большинства служащих Тобольской губернии в XIX – начале XX вв. запись в вышеуказанной графе формуляров ограничивалась словом «не был»².

И всё-таки неполнота источника не должна становится непреодолимым препятствием. Критически осмысляя содержательные возможности формулярных списков, одновременно нужно находить пути повышения их информационной «полезности».

Используя пространственно-организационный критерий, условно можно выделить две сферы повседневного мира: «чиновник на службе» и «чиновник вне службы». Внутри каждой из названных сфер выделяются как минимум социальный, материальный и эмоциональный компоненты. Например, социальный компонент сферы «чиновник на службе» включает характер и направленность служебных контактов в целом, такой же компонент сферы «чиновник вне службы» — возраст, в котором чиновник создал семью, социальное положение жены и многое другое. Материальный компонент служебной повседневности — это организация служебного пространства и жалование, а во внеслужебной повседневности соответственно — устройство жилища, затраты на домашнее хозяйство, заботу о

здоровье и прочее. Эмоциональный компонент отражает внутренний мир чиновника, охватывая ценностные, мировоззренческие аспекты, а именно, отношение к службе, оценка роли семьи в своей жизни, страхи и надежды и т. п. Данная схема не только систематизирует элементы повседневности, но и помогает решить проблему отбора источников. ФС, в частности, будут востребованы для изучения социального компонента той и другой обозначенной сферы.

Непосредственное наполнение повседневности детерминировано такими социальными параметрами, как происхождение, образование, материальное и семейное положение; существенным становится создание типичного образа «среднего» чиновника, в чём проявляется максимальная источниковедческая значимость ФС. Для Тобольской губернии подобный образ складывается из следующих черт: потомственный чиновник или выходец из духовного сословия; уроженец местной губернии; образование среднее; женат на чиновничьей дочери; детей либо нет, либо один или два ребенка; основной доход – государственное жалованье; недвижимости не имеет³. Отметим, что данные социальные параметры, полученные исключительно из формуляров, опосредуют жизненный мир чиновника, особенно те его стороны, которые не являются «отрефлектированными индивидом»⁴, например, мировоззренческие моменты, привычки, усвоенные с детства.

Ключевыми структурными элементами культуры повседневности являются пространство повседневности, содержательно-качественное наполнение данного пространства и, наконец, ценностно-мировоззренческие аспекты, носителем которых являлись непосредственные субъекты повседневности. По каждому из этих элементов можно получить сведения из ФС. В каких-то случаях эти данные будут косвенными, в каких-то — фрагментарными, но от этого они не утрачивают свою значимость.

Так, анализируя данные формуляров о жалованье служащих Тобольской губернии⁵, можно предположить, что тяжелое материальное положение основной массы сибирской бюрократии вкупе с особыми условиями службы в Сибири сужали картину мира чиновника до обыденного уровня. Пространственные и временные представления также были опосредованы повседневными заботами. Особенности профессиональной деятельности чиновничества обусловили такие поведенческие нормы, как естественность и даже неизбежность взяточничества⁶, страх и подобоострастное отношение к вышестоящему начальству. В данном случае ФС, не обеспечивая исследователя исчерпывающей информацией, тем не менее, служат отправной точкой в конструировании жизненного мира провинциальных служащих.

Собственно без указания чина и должности чиновника нельзя начать реконструкцию повседневности, ведь то, как тот или иной служащий жил и работал, во многом определялось его положением в служебной иерархии. Исследователь повседневности может, тем самым, «повернуть» в свою пользу данные любой графы послужного списка. Зная социальное происхождение, в каком учреждении служил чиновник, где проходила его служебная карьера, есть ли у него семья и дети, недвижимое имущество и т. д., можно создать, образно выражаясь, канву повседневного мира. ФС ставят вопросы перед исследователем, «подталкивают» его на выдвижение гипотез, поиск новых источников для их верификации и т. п., в итоге, способствуют реконструкции повседневности. Тем более, что ФС — массовый источник, значит, представление о повседневности формируется не на отдельных примерах.

Но нельзя забывать, что кроме вопроса — что изучать, какова источниковая база повседневности, — не менее существенным является вопрос — как изучать? Как традиционные источники, нередко уже введенные в научный оборот, «пропустить» сквозь призму истории повседневности? Как, перефразируя А. С. Лаппо-Данилевского, «реализованные продукты человеческой психики» сделать «пригодными»⁷ для постижения жизненного мира ушедших поколений? Какие методы источниковедческой критики будут целесообразны? Каковы будут критерии проверки аутентичности, достоверности источников повседневности?

Для расширения информационного потенциала ФС как источников повседневности целесообразно использовать так называемый ценностный подход. В любом источнике, независимо от принадлежности его к типу и виду, то есть разными способами, в разных формах и т. п. воплощаются те или иные ценности — витальные, социальные, политические, моральные, религиозные, эстетические. Не исключением будет и учётная документация. Вместе с тем, реконструкция повседневности должна включать воссоздание такого важного компонента мировоззрения, как ценностная система, иначе всё сведётся к элементарному описанию быта.

Осмысляя исторические памятники и отражённое в них прошлое через ценности, нормы, потребности, одним словом, через «смыслжизненную сетку координат социокультурной реальности»⁸, мы не только расширяем круг источников, обосновываем их информационную неисчерпаемость, но и качественно «наполняем» изучаемые исторические явления. На наш взгляд, именно система ценностей, проступающая сквозь всякий источник, будет тем маяком, благодаря которому историк не просто сориентируется в море исторической информации, но и правильно её интерпретирует, тем самым, поймёт. Это возможно, если определить, с одной стороны, какую ценность источник представлял для своего автора и его времени, с другой, какие ценности и как в нём отразились и воплотились. Так, ФС чиновни-

ков демонстрируют, какие служебные качества государственных служащих прежде всего ценились властью. Вместе с тем и собственно практика использования формуляров в делопроизводстве неизбежно влияла на ценностные ориентации самих чиновников.

Таким образом, ФС должны занять своё место среди источников по истории повседневности, использование их данных, нередко фрагментарных и косвенных, не претендуя на создание законченного образа повседневности, будет одним из условий «погружения» в конкретные пласты культуры повседневности и обогатит источниковедение в целом.

---

¹ Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: Учебное пособие / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцева. М., 1998.

² Подробнее см.: Козельчук Т. В. Девиантное поведение чиновников в ценностном контексте (на примере Тобольской губернии второй пол. XIX – нач. XX в.) // Машины. Люди. Ценности: Материалы Международной междисциплинарной научной конференции, посвященной 85-летию со дня рождения проф. С.М. Шалотина (Курган, 20–21 апреля 2006 г.). Курган, 2006. С. 105–106.

³ Подробнее см.: Козельчук Т. В. Социокультурные группы провинциального чиновничества: «местные» и «приезжие» // Культура провинции: Материалы международной научно-практической конференции. Курган, 2005. С. 154–156.

⁴ Пушкарева Н. Л. «История повседневности» и «История частной жизни»: содержание и соотношение понятий // Социальная история. Ежегодник. 2004. М., 2005. С. 100.

⁵ Для данного исследования были использованы формулярные списки чиновников Тобольской губернии следующих архивов и архивных фондов: РГИА. Ф. 1349. Оп. 6; ГУТО ГА в Тобольске. Ф. 152. Оп. 30.; ГАКО. Ф. 175. Оп. 2.

⁶ Миронов Б. Н. Социальная история России периода империализма (XVIII – начало XX вв.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2 т. Т. 2. СПб., 1999. С.235.

⁷ Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории. М., 2006. С.291.

⁸ Фролов И. В. Ценностный подход в изучении истории // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Социальные науки. 2009. № 2 (14). С.136.

А. И. Кузнецов

Тюменский государственный университет

НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТОБОЛЬСКОЙ ДУХОВНОЙ КОНСИСТОРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX вв.

С учреждением в 1621 году первой Сибирской епархии с кафедрой в городе Тобольске был образован архиерейский приказ, который ведал делами церковного управления и суда и подчинялся непосредственно архи-